

V. СПАД ЛЕТОПИСНОЙ РАБОТЫ

Глава 18

ПРОНИКНОВЕНИЕ ХРОНОГРАФИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЛЕТОПИСЬ

1

ПЯТНАДЦАТОМ, а затем особенно в шестнадцатом веке летопись все более и более начинает испытывать на себе влияние литературной манеры, выработавшейся еще в XIV в. в ряде славянских стран. XIV век отмечен возрождением славянской письменности и литературы. Литературный подъем намечается и в Сербии, и в особенности в Болгарии, где рост письменности сопутствует росту политического могущества при царе Иоанне-Александре. На Руси успешное развитие письменности было следствием возвышения Москвы.

Во всех трех странах — на Руси, в Сербии и Болгарии, поддерживавших между собою тесное культурное общение, возникает своеобразное и единое литературное направление, отразившее собою общий народный подъем славянских народов. Вырабатывается жанр витиеватых и пышных „похвал“, первоначально обращенных к славянским святым, покровительствовавшим победам соотечественников. В Болгарии эти первые похвалы составляются Иоанну Рыльскому и Илариону Мегленскому; в России одно из первых произведений этого нового литературного течения посвящено военному организатору Куликовской победы — Дмитрию Донскому („Слово о

житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русьскаго“).

Новое литературное движение выработало литературные вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений XV—XVI вв. Оно оказало чрезвычайно сильное влияние на летопись, изменившее, в конце концов, не только форму летописного изложения, но и его содержание. Это влияние усиливалось из десятилетия в десятилетие и постепенно привело к замене летописи иными формами исторического повествования. Такое медленное исчезновение летописания под влиянием новых принципов повествования было обусловлено целым комплексом причин — и, в первую очередь, новыми усложнившимися требованиями, которые начали предъявляться к историческому знанию. Это был процесс трудный и сложный, в котором проникновение в летопись новой литературной манеры было лишь одним из симптомов приближающегося конца крупнейшего явления русской жизни XI—XVI вв. — летописания.

В истории изменения характера русского исторического повествования XV—XVI вв. исключительную важность имеет Русский Хронограф. Создание Русского Хронографа внесло совершенно новую стилистическую струю в русское летописание. В начале эта струя пробивается слабо, затем постепенно разрастается и в конце концов сменяет летописные традиции исторического рассказа.

Русский хронограф в редакции 1512 г. и в так называемой южно-русской, как это блестяще доказано А. А. Шахматовым, восходит к Хронографу, составленному в 1442 г.¹ в России Пахомием Логофетом на основании ряда южно-славянских, переводных с греческого и русских оригинальных сочинений. Это огромный сборник всемирно-исторических статей, отражающий интерес русского читателя к мировой истории, и вместе с тем, сознание мирового значения истории русской.

¹ См: А. А. Шахматов. „Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.“, Л., 1938, стр.135 и след.

Можно догадываться о том, почему именно Хронограф возник в 1442 г. В 1441 г. Москва не признала Флорентийской унии православной и католической церквей. Митрополит Исидор, подписавший унию, бежал из Москвы. В Москве не признали и то греческое духовенство, которое было согласно на унию. Перед церковными и светскими властями Москвы встал вопрос о религиозной самостоятельности Руси. Москва готовилась самостоятельно ставить митрополита из русских собором русских же епископов. Роль русского православия среди иноземного „еретичества“ казалась особенно торжественной и значительной. Уже теплилась мысль о всемирном призвании Руси. Мысль русских книжников все чаще обращалась к мировой истории. Материал вновь составленного Хронографа давал много примеров еретичества византийских императоров, в контраст с которым резко выделялась верность православию русских князей.

Составитель Хронографа широко воспользовался всеми доступными ему в России материалами по всемирной истории. В качестве источников для своей компиляции составитель использовал вторую русскую редакцию Еллинского летописца,¹ существование которого уже в XIV в. было доказано А. А. Шахматовым.² Кроме этого, составитель пользовался сербским сборником житий, в который входили „Паралипомен“ Зонары, житие Стефана Лазаревича, сербская Александрия, житие Стефана Дечанского и житие Илариона Меглинского. А. А.

¹ Сам составитель Хронографа называет Еллинский летописец в качестве своего источника: рассказав о походе Олега, он прибавляет: „сие пишет о нем в Греческом летописце“. Об Еллинском летописце второй редакции см.: А. А. Шахматов. „Древнеболгарская энциклопедия X века“, Византийский временник, т. VII, 1900; В. М. Истрин. „Из области древнерусской литературы“, Журн. Мин. нар. просв., 1903, № 10; А. А. Шахматов. „Новая хронологическая дата в истории русской литературы“, Журн. Мин. нар. просв., 1904, № 1; К. Н. Истомина. „Слово о немецком прельщении“, Христиан. чтение, 1904, II; К. Н. Истомина. „Некоторые данные о протографе Еллинского летописца“, Журн. Мин. нар. просв., 1904, № 7.

² „К вопросу о происхождении Хронографа“. Сборник Отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наук, т. XVI, № 8, стр. 70.

Шахматов видит источник этой части Хронографа в протографе рукописи б. Московской духовной академии № 230. Из другого источника составитель Хронографа воспользовался Житием Саввы¹ и хроникой Манассии (А. А. Шахматов видит последний источник в протографе списка Новгородской Софийской библиотеки, № 1497).

Как доказано А. А. Шахматовым, уже составитель первоначальной редакции Русского Хронографа — Пахомий Логофет вставил в нее статьи русского содержания, воспользовавшись для этого русскими летописями² и русскими историческими повестями.

Помимо этих привлеченных материалов, Пахомий Логофет добавил ряд статей собственного сочинения, из них главная — Повесть об убиении Батыя.³ В Повести этой отразились статьи из прочей части Хронографа и, наоборот, в Хронографе отразились те же источники, которые были использованы и в Повести, чем доказывается, что Повесть об убиении Батыя была специально составлена для Хронографа.

Сербское происхождение Пахомия Логофета сказалось в Хронографе в ряде сербизмов. Так, Корсунь по-сербски названа в Хронографе Херсонь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святополк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав и Цветополк, „бык“ заменен сербским словом „юнец“ и т. д. Сербское происхождение Пахомия особенно чувствуется в Повести об убиении Батыя,

¹ Как это доказано Я г и ч е м — в Феодосиевой, а не Доментиановской редакции („Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung“, Archiv für slav. Philol., Bd. II, S. 37).

² А. А. Ша х м а т о в предполагает, что эти летописи были ростовские. М. Д. П р и с е л к о в уточняет, что это был свод Фотия („История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 148).

³ В одном из списков XVI в. (список Ундольского, № 515), где в приложении к сказанию о Михаиле и Федоре Черниговских также имеется эта повесть, добавлено: „творение ермонзха [Пахомия св. Горы“. Повесть об убиении Батыя приписана Пахомию впервые В. К л ю ч е в с к и м („Древнерусские жития святых“, СПб., 1871, стр. 147).

где есть сведения, заимствованные из сербского жития Саввы и где, кроме того, отразилось юго-славянское народное предание об отражении татар венгерским королем Владиславом. Знаменательно, что это сербское народное предание приурочено к известию русских летописей о нашествии Батые на Венгрию и о последовавшем затем поражении. Вообще по всему видно, что серб Пахомий Логофет работал именно в России. Помимо приведенных А. А. Шахматовым доказательств того, что Хронограф был составлен именно на русской почве, а не в Сербии, как думали первоначально, можно привести немало других данных. Так, например, среди выборок из хроники Амартола в Хронографе есть и специальная статья „О пришествии Руси на Царьград“, которая могла быть по преимуществу интересна в России. В переводе из Иосифа Флавия при упоминании денежной единицы „таланта“ добавлено „а един талант 500 рублей русских“, ¹ в другом месте добавлено такое же разъяснение к слову „перпер“: „а едина перпер пол третейя рубля рузския“ ² и др.

Составленный в России, но сербом, Русский Хронограф имел громадное распространение не только в России, но и в Сербии: в Сербии все хронографы опирались в своей основе на Русский Хронограф. Создание Русского Хронографа было замечательным образцом культурного сотрудничества славянских стран.

2

Изложение всемирной истории было подчинено в Русском Хронографе чисто литературным, повествовательным задачам. В этом резкое отличие Русского Хронографа от русской летописи.

Литературные достоинства русской летописи XI—XV вв., сами по себе чрезвычайно высокие, не были, однако, главными

¹ Полн. собр. русск. лет., т. XXII, Русский Хронограф, ч. I, СПб., стр. 238.

² Там же, стр. 183.

и определяющими чертами русской летописи. Летопись на протяжении XI—XV вв. — это в основном документ, дневник, „погодник“ исторических фактов, систематизированное собрание исторических материалов, своеобразный архив. Летописец не ставил себе задачей создание чисто литературного произведения, не предполагал создавать чтения, художественные достоинства которого были бы самоцелью повествования.

Иными были задачи, которые ставил себе Пахомий Логофет при написании Хронографа. В Хронографе исторические факты были лишь материалом для литературно занимательного чтения, для моральных выводов. Русский Хронограф, в том виде, в каком он вышел из-под пера Пахомия, представлял собою цепь более или менее занимательных новелл, имеющих ясно выраженную завязку — экспозицию, в виде предварительной общей характеристики действующего лица, затем развитие действия, и, наконец, заключительную развязку, иногда с последующими нравоучениями. Само повествование в Хронографе прерывалось риторическими вопросами, которые должны были поддерживать интерес повествования. Риторическая шумиха и бесконечное морализирование поднимали на ходули исторические события, лишали их той вписочной документальности, которой отличались записи русской летописи.

Вся мировая история в изложении Хронографа — цепь нравоучительных историй, рисующих неслыханные злодеяния, невероятные подвиги благочестия, мученичество праведных и преступления нечестивых. Чудесные события, предвещения, указания на символическое значение событий обильно насыщают повествование. Это собрание новелл, иные из которых даже лишены вообще какого бы то ни было исторического содержания. Такова, например, любопытная статья „О псе“, рассказывающая об ученом слепом псе, приведенном „от запада“ неким кузнецом. Пес этот обладал необыкновенною прозорливостью и безошибочно узнавал владельцев монет, которые закапывали в землю: „и отгребая, взем усты своими, подаваше комуждо своя, и блудныя, и прелюбыдеющая, и мило-

стивья, и немилостивья, злая же и благая — вся угадываа-
сказываше“.¹

В Хронографе же можно было прочесть новеллу о бесе, который не мог десять дней выполнить поручение императора Юлиана Отступника, так как монах Пуплий, мимо которого должен был пройти бес, десять дней стоял на молитве, не сходя с места.²

Действующими лицами Хронографа, наряду с императорами, церковными властями, царями, полководцами, пророками, были и безымянные герои, что явилось совершенною новостью для проникнутого духом историзма русского летописания, всегда точного в определении тех лиц, о которых велось повествование. В Хронографе нередко действует „некий человек разумен“,³ „воин некий блуден зело“,⁴ „нещие же мужие“⁵ и т. д. Об известных исторических лицах Хронограф говорит, как о неизвестных: „сей“ Троян, „сей“ Констанций и т. д.

Историческое лицо интересно не само по себе, а лишь как пример для нравоучения. История — цепь анекдотов, занимательных и поучительных. Хронограф делится не на годовые статьи, как русская летопись, а на ряд рассказов с законченным повествовательным сюжетом. Это небольшие новеллы, оканчивающиеся эффектной развязкой: наказанием за содеянное, смертью героя, сопровождаемыми нравоучительными сентенциями, составляющими существенную сторону изложения Хронографа. Обычно это раздумье над превратностью исторической действительности, над бренностью всего земного. Так, например, в повествовании о „царстве Ковьстянтина Дуки“ освобождение Романа из тюрьмы и женитьба его на царице сопровождается антитезой дворца и тюрьмы, кандалов и царских „бисерных“ одежд, „худой“ тюремной постели и царского брачного одра. Заканчивалось повествование характерным

¹ Там же, стр. 295 (из Хроники Амартола).

² Там же, стр. 275 (оттуда же).

³ Там же, стр. 309 (оттуда же).

⁴ Там же, стр. 307 (оттуда же).

⁵ Там же, стр. 270 (оттуда же).

афоризмом: „таковы ти суть твоа игры, игрече, коло [колесо] житейское!“¹

Эти нравоучительные сентенции не только замыкают статьи Хронографа — они сопровождают собою все изложение. Автор как бы руководит читателем, постоянно обращая его внимание на моральную сторону событий, на их „сокровенный“, „вечный“, вневременный смысл. Рок, судьба, всесилие бога и бессилие человека — вот темы авторских ремарок. Человека, „соблюдаемого“ божьими „крепкими руками“, никто не может убить раньше „уреченнаго време“.² Автор иронизирует над усилиями людей достичь недостижимого.

Именно на этой нравоучительной стороне хронографических статей строится автором их литературная занимательность: неизбежность торжества истины, неизбежность наказания зла возбуждали в читателе ожидание развязки.

Тема „казней божиих“ активно звучала и в русских летописях XI—XIV вв., но имела иной характер. Слово „О казнях божиих“, помещенное в Повести временных лет под 1068 г., говорило о наказании всех людей, о наказании общем для всего народа или государства. Эти страшные кары в виде нашествия врагов, голода, стихийных бедствий, посылались богом лишь за многие грехи и сравнительно редко. Изложение исторических событий не предусматривало в русской летописи немедленного вмешательства бога. Исключения были очень редки и главным образом во вставных произведениях (наказание Святополка в житии Бориса и Глеба, наказание Владимирки в Повести Петра Бориславича и др.). Между тем, в Хронографе наказание за грехи постоянно наступало немедленно, оно было личным, возмездие с неизбежностью следовало за проступком и на этом строилось в основном все историческое повествование. В русских летописях наказание народа за грехи — наказание, вызывающее сочувствие читателя; в Хронографе — возмездие, приносящее нравственное

¹ Там же, стр. 377 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 288 (оттуда же).

удовлетворение читателю. Эти личные наказания всегда эффектны: мучителя Диоклитиана постигла страшная кара — его язык сгнил, тело его „кипело“ червями, он „изрыгнул“ злую свою душу, „рыкнув яко лев“.¹

Сами по себе исторические события занимают в Хронографе подчиненное положение. Не события, а личности властителей привлекают к себе внимание автора: „царство 35 Кунтилово“, „Царство 36 Авриллианово“, „Царство 37 Такитово“, „царство Провово и Флориане“, „царство 39 Кара и Карина, сына его и Нумириана“:² таковы обычные заголовки статей Хронографа. В русских же летописях основную тему изложения составляет не личная человеческая судьба, а история народа и государства.

Обычно хронографические статьи открываются характеристикой властителя. Дальнейшее изложение строится, как вывод из этой характеристики, как ее иллюстрация или как неизбежное следствие его личного поведения. Вот, например, рассказ о царствовании императора Трояна. Троян царствовал в Риме девять лет; он был „мужь воиничен и победоносен, терпелив и храбр, в судех праведен и неуклонен, мерило правде“. Затем идет изложение подвигов Трояна и нравоучительный рассказ о том, как Троян дал своему епарху меч со словами: „если незаконно царством владею, то ударь меня мечем этим и не пощади моей жизни; если же законно и хорошо правлю суд, то имей этот меч, чтобы мстить за меня врагам“. Заканчивался рассказ о Трояне нравоучительной сентенцией; на тему о беспощадности смерти: „но и сей убо изчезе от житиа, во многих пожив победах“.³

Перед нами, следовательно, личная биография императора иногда сведенная только к характеристике его деятельности.⁴

¹ Там же, стр. 262 (из Хроники Амартола).

² Там же, стр. 260 (оттуда же).

³ Там же, стр. 254 (оттуда же).

⁴ См., например, описание царствования Михаила Рагкаяея, сведенное к его личной характеристике (там же, стр. 330—331, из Хроники Манассии).

Естественно, что Хронограф в этих биографиях не стремился к полноте и исторической точности. В отличие от русской летописи, хронографические статьи полны баснословного и анекдотического материала, чудес, видений, вещих снов и т. д.

Поскольку личность властителя является основной причиной исторических событий, его характер рисуется обычно в Хронографе с необычайной силой экспрессии. Император — либо злодей, действующий по наущению дьявола, либо герой добродетели. „Поставиша Фоку царем, о горе! — пса беснаго, мужа разбойника, люта и гневълива и убиством дышуща“,¹ — говорится о Фоке „Мучителе“. В прямо противоположных чертах дана характеристика Цимисхия: „другый бяше рай божий, четыре реки источаа: правду, мудрость, мужество, целомудрие“.²

Основные христианские добродетели или пороки направляют людей в их деятельности. Злорада, ярость, гнев, зависть, гордость двигают поступками злых. Благодетель и нищелюбие, вера и смирение двигают силой добрых. Властители мечутся, обуреваемые страстями, или совершают подвиги благочестия, подвигнутые на то ревностью к добру. Отсюда необычайная экспрессивность характеристик, отсюда гиперболы, стремление к грандиозности изображения, проникающее и подавляющее изложение.

Под влиянием страстей властители совершают чудовищные злодеяния, преодолевают необычайные препятствия. Внешние проявления чувств всегда преувеличены. Люди проливают „тучи слез“, плачут по восьми месяцев: „и рукама терзаше власы, и браду, и главою ударяя, и слезами моча землю“.³

Гнев, зависть служат иногда причиной смерти человека.⁴ Одержимые страстями люди бессильны совладать с ними.

¹ Там же, стр. 302 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 333 (оттуда же).

³ Там же, стр. 282 (из Хроники Амартола).

⁴ „Увидев же его Кон стянтие самодержье вом препоясавшася, яростию разжгется зело. И сего ради в исдуг зол впаде и умре“. Там же, стр. 274 (из Хроники Амартола).

Страсти персонифицируются, предстают в образе диких зверей:¹ „лютый зверь вражда“, „сердцеснедивый медведь“² и т. д. Отсюда постоянное сравнение сердца злого человека со звериным логовом, „гнездом злобы“.³

Образы звериного мира, примененные к объяснению человеческой психологии, не случайны в Хронографе.

Вся вселенная, с точки зрения средневекового мировоззрения, представляет собою грандиозное „училище благочестия“, в котором каждое живое существо является носителем какого-либо скрытого назидательного смысла. Животные символизировали собою человеческие страсти, ереси, вечные истины. Епифаний Кипрский в полемическом сочинении „*παυαρίου*“ (аптека) стремится дать целую аптеку с полезными лекарствами от угрызения ядовитых животных и пресмыкающихся, под которыми разумеются ереси.⁴ Вот почему в средние века получают чрезвычайное развитие зоологические сказания различных „физиологов“ (сборников „естественно-научных“ рассказов), звериный орнамент, животные сюжеты архитектурных „прилепов“ и т. д.

Те же части Русского Хронографа, которые восходят по своему происхождению к хронике Манассии, обильно насыщены материалом „физиологических“ сказаний. Свойства человеческого характера, представленные в звериных образах (ярость — лев, хитрость — лисица), и самые люди, сближаемые со зверьми, — получили назидательное истолкование с помощью рассказов „Физиолога“. Иногда сравнения со зве-

¹ „От нзчала убо обьнажи Фока зверя горкосердаго, внутрь сокровенаго, бяше бо нравы убийца, сластолюбив, свирепообразен, пивница, скорогневлив, кровопийца, яко тяжкоумьный лев глоти снадати погубляемых человек и кров пити сладчайши мьста въменяше“ (Там же, стр. 302, из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 360 (оттуда же).

³ Там же, стр. 360 (оттуда же).

⁴ А. Иваицов-Платонов. „Ереси и расколы первых трех веков христианства“, М., 1877, стр. 297.

рями даны в обычной манере афоризмов,¹ иногда же сравнения даются в виде развернутых картин. Так, например, император Никифор Ватаниот, женившийся на старости, пространно сравнивается с золотоперой „кикносом“, которая, прежде чем сойти в старости в гроб и „скрыться“, начинает веселиться.²

Обильные сравнения, приводимые в Хронографе из мира животных, имеют в виду главным образом людские поступки действия. Они придают изложению необычайную динамичность, усиливают его экспрессивность. „Изскочи убо Роман, яко зверь ис тенеть и яко орел от сети“.³ „Огненный дерзостью“ Фома наскочил на своего противника „с великим стремлением, яко вепрь [кабан] из луга и дубравы многодревны, или щенець питаем в горах лвица лютыя и кровоядны“.⁴

Все движется и живет в повествовании Хронографа. События описываются в нем в резких красках, сравнения из области звериного мира экспрессивны, при этом изложение обильно насыщено психологическими характеристиками. Даже предметы мертвой природы, даже отвлеченные явления оказываются злыми, добрыми, награждаются людскими пороками и добродетелями. Если царь зол, то и рать его „злоратная“,⁵ стража его — „злостража“,⁶ сильный ветер „свереподыханен“⁷ и т. д. Многочисленные эпитеты, всегда оценочные, назойливо сопровождают изложение. Земля не выносит злодейств императора Фоки Мучителя и испускает „безгласные вопли“ на „тигропардоса беснаго“.⁸ При ослеплении императора Констан-

¹ „Царь бо, не имея многобогатнаго, подобен есть орлу приветху и престару, не имущю периа и ноктей и клюна“ (Поли. собр. русск. лет., т. XXII, стр. 351, из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 381 (оттуда же).

³ Там же, стр. 379 (из Хроники Манассии, ср. характеристику князя Романа Галицкого в Ипатьевской летописи, 1201 г., и др.).

⁴ Там же, стр. 336.

⁵ Там же, стр. 303 (из Хроники Манассии).

⁶ Там же, стр. 381 (оттуда же).

⁷ Там же, стр. 304 (оттуда же).

⁸ Там же, стр. 303 (оттуда же).

тина „стихиа бо сами о беде плакаху“.¹ Как одушевленные существа, ведут себя и города — Рим,² Константинополь, Антиохия,³ Иерусалим.⁴

Мир всепожирающих зверей, облака, тучи, ветры, бушующее море и отзывающиеся его прибою берега, молнии, звезды, луна, солнце — все полно одушевленного движения, втянуто в ход истории. Всё смятено, всё ужасно, всё полно тайны и сокровенного смысла.

При этом ничто не стоит. Хронограф описывает только действия, поступки. Характер людей раскрывается через их действия. Храбродушие было заключено в сердце Фоки как головня в пепле, когда же пришло время действию и когда колесо „зотекущего естества“ поставило Фоку на колесницу царства, тогда Фока раскололся, как молния и обтек все варварские племена, как огонь, который, попав „во юдоль многодревну“, гонимый ветром, проходит повсюду, пожирает сад и полагает холмы.

Эти настойчиво повторяющиеся сравнения и сближения с явлениями природы и самые отклики природы на события человеческой жизни усиливают драматичность повествования. Эта драматичность повествования, своеобразный панпсихологизм, обилие психологических характеристик — все это находится в неразрывной связи с общей эмоциональной приподнятостью изложения. Хронограф постоянно пишет о чувствах героев и обращается к чувствам читателей. Слезы, рыдания, плач — обычны в изложении исторических событий. Особую эмоциональность придают изложению авторские восклицания, вносящие в него субъективизм. „О горе!⁵ „О всевидящее

¹ Там же, стр. 324 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 325 („Повесть о Латинех, как отступиша от православных патриарх“).

³ Там же, стр. 359.

⁴ Там же, стр. 332 (из Паралипомена Зонары).

⁵ Там же, стр. 354 (из Хроники Манассии).

солнце!“¹ „О зависти, зверо лютый!“² „О солнце и земле!“³ „Что же по сих“⁴ „Оле, божиих судеб“⁵ „Оле, оле, доброненавистная душа! Увы, увy, разуме зверовидный“⁶.

Иногда эти восклицания переходят в длиннейшие тирады как бы не сумевшего сдержать своих чувств автора. Эти тирады посвящены обычно какой-либо одной нравоучительной мысли: всемогуществу жестокой смерти, бренности всего земного, могуществу золота и т. д.

„О злато, гонителю и мучителю прегордый, градовом разорителю! О злато, умягчаеши жестокаго, а мягкаго ожесточаеши, язык отвръзаеши безгласному, а глаголиваму затыкаеши уста, блещанием своим в желание улавляеши сердца, яко и камене мягко твориши! Кто от пресильныа твоеа крепости может избежати?“⁷ Или: „О зависти, зверю лютый, разбойниче, гонителю, скорпие (скорпион) многожалная, тигру человекоснедный, былка смертная!“ Разразившись этой тирадой, автор оправдывается в своей несдержанности: „горесть бо душевная глаголати принужаеши“⁸.

Такие отступления придают повествованию Хронографа исключительную эмоциональность. Автор как бы не может удержать своих чувств, но одержим необходимостью высказаться. Чувства, а не рассудок владеют его пером, он подавлен грандиозностью событий, героизмом благочестивых, подлостью злых. Речь его превращается в сплошной поток: образы, сравнения, эпитеты заполняют текст. Автор как бы не находит точных, необходимых слов для выражения своих мыслей: он нагромождает синонимы, уснащает речь сравнениями, обильно пользуется неологизмами и т. д., и т. п.

¹ Там же, стр. 318 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 297 (оттуда же).

³ Там же, стр. 345 (оттуда же).

⁴ Там же, стр. 404 (из жития Стефана Сербского).

⁵ Там же, стр. 316 (из Хроники Манассии).

⁶ Там же, стр. 317 (оттуда же).

⁷ Там же, стр. 301 (оттуда же).

⁸ Там же, стр. 297 (оттуда же).

Отсюда неопределенность выражений, как бы не отлившихся еще в законченную форму. Отсюда поиски слов и неотвязно повторяющаяся мысль о бессилии человеческого языка выразить переживаемые чувства: хронист отказывается описать „храбрѣствиа красная добрых царей“ и „мужь храбрых“ — „их же не мочно языком житиа преплутити“.¹

Автор постоянно подбирает слова и стремится дать как можно больше синонимов: „зловозвестница и чародейница и зловолшебная пророчица“,² „разжизаньми бо и разгоренми плотьскими цветяще“,³ „благообразень и доброзрачен“,⁴ „долголетен и стар“,⁵ „тяжкошумящий и съверепогласящий“⁶ и т. д.

Очень часто употребляются полусинонимические сочетания. Так, например, о Василии царе рассказывается, что он отвращался еды и отринул „гладкое“, „покоищное“ и „слабое“ житие, возлюбил же „жестокое“ и „бридкое“ дело, возлюбил оружие, щиты, шлемы и стрелы больше услаждающих капель меда и вина.⁷

Из языка Хронографа изгнаны столь обычные в русской летописи просторечные выражения, дипломатические, юридические, ратные термины, даже просто прямые обозначения бытовых явлений. Они заменены перифразами; речь приподнята, торжественна, она сближена с языком проповеди, житий богослужения.

Постоянные и обильные перифразы насыщают речь такими словами как „сиречь“, „рекше“, „сице“: „доброводный Истр-сиречь Дунав“,⁸ „на свет произвести ... клас, рекше сына родити“.⁹

¹ Там же, стр. 381 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 378 (оттуда же).

³ Там же, стр. 376 (оттуда же).

⁴ Там же, стр. 370 (оттуда же).

⁵ Там же, стр. 380 (оттуда же).

⁶ Там же, стр. 365 (оттуда же).

⁷ Там же (оттуда же).

⁸ Там же, стр. 363 (оттуда же).

⁹ Там же, стр. 375 (оттуда же).

Нагромождение синонимов, перифраз составляет необходимую черту особенно характеристик действующих лиц. Так, например, император Роман был „жесток, гневлив, горд, яролюбив, самомудр . . .“¹

Эпитеты почти отсутствуют в русских летописях. В Хронографе, наоборот, эпитет составляет существенный элемент стиля, при этом, как вообще в средневековой литературе, эпитет всегда выделяет основные, наиболее постоянные качества объекта: „мясоедный лев“,² „тольстотрапезная гостьба“ (т. е. угощение)³ и иногда впадает в тавтологию: „тяжкогневная ярость“,⁴ „многовоздыханная стенания“⁵ и т. д., и т. п.

Составленный мозаично, из различных источников, Русский хронограф представлял собою в целом произведение единое и стилистически, и идейно. Единство Хронографа в значительной мере зависело от единства понимания задач исторического повествования, резко расходившегося с летописным.

Для летописца самое важное заключалось в исторической правде. Летописец ценил документальность своих записей, он бережно сохранял записи своих предшественников, он был историком по преимуществу.

Составитель Хронографа был, наоборот, литератором. Его интересовал не исторический, а назидательный смысл событий. Как человека своего времени, его уже интересовала человеческая психология, его изложение было пронизано субъективизмом, он заботился о риторической приподнятости стиля. Его отношение к материалу было по преимуществу литературным.

Постепенно Русский хронограф начинает оказывать значительное влияние на летопись. Хронограф сыграл важную роль в выработке повествовательного, литературного стиля исторической прозы второй половины XV—XVI вв. Однако влияние

¹ Там же, стр. 380 (из Хроники Манассии).

² Там же, стр. 318.

³ Там же, стр. 298 (оттуда же).

⁴ Там же, стр. 324 (оттуда же).

⁵ Там же, стр. 313 (оттуда же).

Хронографа сказалось не сразу. Хронограф влиял на летопись в тех только случаях, когда перед летописным сводом ставились его составителем по преимуществу литературные задачи. Первоначально, пока в летописании преобладали чисто исторические задачи, влияние Хронографа было эпизодическим, но по мере того, как исторические функции отдавались государством в приказы, в архивы, в разрядные книги (об этом ниже), а перед летописью начинали ставиться задачи политического воспитания граждан, влияние Хронографа все увеличивалось. Хронограф вытеснил собою летопись, хронографический, риторический стиль окончательно возобладал в историческом повествовании.

Следы новой литературной манеры могут быть обнаружены уже в тех летописных записях, которые ведут свое происхождение от Летописца великого русского 1463 г. Анализируя состав московского летописного свода 1472 г., восстанавливаемого на основании Никаноровской летописи, Великопермской, Кирилло-белозерской № 251 и Синодальной № 465, М. Д. Приселков пришел к выводу о существовании великокняжеского летописания, в частности и свода 1463 г., последние записи которого читаются сейчас в Симеоновской летописи под 1425—1463 гг.

М. Д. Приселков предполагает, что основная часть летописных статей 1425—1463 гг. была составлена по указанию Василия Темного, пожелавшего отметить в своем летописце всех своих сторонников, всех помогавших ему в трудных обстоятельствах его княжения, независимо от их положения в служебной иерархии.¹

Можно думать, что какое-то участие в составлении великокняжеского летописания Василия Темного принимал Троице-сергиев монастырь. Троице-сергиев монастырь издавна имел прочную летописную традицию. Летописные записи Троице-серги-

¹ Ср. „Осия именов“ (там же, стр. 191), „именем Никифоринок“ (там же, стр. 197), „Бунком зовуть его“ (там же, стр. 197), „Ростопчею звали“ (там же, стр. 202), „Полтинкою зовуть“ (стр. 202), „чернец ... именов Наум“ (там же, стр. 214).

ева монастыря могут быть обнаружены в своде 1409 г. В Никоновской летописи имеются подробные записи о кончине троице-сергиевых монахов XIV в.,¹ что свидетельствует о том, что в ее составе были использованы троице-сергиевские летописные записи. Впоследствии келарь Троице-сергиевого монастыря Авраамий Палицын утверждал, что летописание велось непрерывно от „великого князя Дмитрия Ивановича Донского даже и до благоверного великаго царя Федора Ивановича, всея Руси.“² Один из троицких летописцев сохранился до нас в рукописи XVI в.³

Нет поэтому ничего удивительного в том, что в летописании Василия Темного обнаруживается рука троицких летописцев: события, происходившие в Троицком монастыре, описаны с подробностями, которые могли быть известными только очевидцам, отмечены постройки, предпринимавшиеся в Сергиевом монастыре, летописцы прославляют монастырь новыми чудесами, наконец, включили сюда и рассказ о флорентийском соборе, составленный со слов проживавшего в монастыре около 1441—1443 гг. священника Симеона.⁴

То обстоятельство, что записи 1425—1463 гг. составлялись именно в Троицком монастыре, где работал и Пахомий Логофет над Русским Хронографом, объясняет нам, почему в них впервые отразилась струя хронографической стилистики. Автор летописных записей 1425—1463 гг. подчеркивает в Василии Темном добродетель смирения,⁵ он вводит в свой рассказ

¹ Летопись занятий Археографической комиссии, VII, стр. 172—173; Никоновская летопись, IX, стр. 152.

² „Сказание Авраамия Палицына“, Русск. ист. библ., т. XIII, 1909, стр. 1175.

³ Летописи занятий Археографической комиссии, III, стр. 18—26 и др. Летописец охватывает события 1513—1540 гг.

⁴ См.: Журнал Мин. нар. просв., 1895, № 7, стр. 145; А. Попов. „Историко-критический обзор полемических сочинений против латинян“, стр. 339—340; В. Ключевский. „Жития святых как исторический источник“, М., 1871, стр. 117—118.

⁵ Василий Темный просит прощения у своих врагов, произносит перед ними покаянные речи (Симеоновск. лет., 1447, стр. 201).

чудесный элемент, прибегает к однообразным, типичным для Хронографа стилистическим приемам: „яко пси на лов“,¹ „якоже на лов сладок“,² „якоже некоторый сладкий лов уловивъше“³ и т. п.

Существенно новым было также привнесение в свод 1463 г. типичного для Хронографа морально-учительного и баснословного элемента. Как ни слаб был еще этот элемент в записях 1425—1463 гг., он заслуживает пристального внимания, так как именно ему суждено было впоследствии чрезвычайно усилиться в летописании XVI в. и привести к постепенному забвению строгих летописных традиций предшествующих веков.

Вымысел присутствует уже в рассказе 1425 г. о посредничестве митрополита Фотия между Василием Васильевичем Темным и его дядею Юрием Дмитриевичем. Митрополит отправился к Юрию в Галич и тщетно пытался договориться с ним об уступках. Юрий не послушал митрополита; тогда разгневанный митрополит покинул Галич, не благословив ни Юрия, ни города, и немедленно же начался мор „на людие и град его“.⁴ Испуганный Юрий вскочил на коня, догнал митрополита и бил ему челом, умоляя вернуться и дать благословение ему и городу. Митрополит вернулся, „и от того часа преста гнев божий“.⁵

Рассказ следующего года (1426) о нападении Витовта на Опочку близко напоминает рассказ Хронографа по экспрессивности и нравоучительности. „Гонимый Божиим гневом“, Витовт со срамом отступил от Опочки и по дороге был застигнут сильною грозою. На смерть перепуганный Витовт, отчаявшись жизни, схватился за шатерный столб и вопил: „Господи помилуй“, стоня, трясыйся, мня ся уже землею пожрен быти и в ад внити“.⁶

¹ Там же, стр. 196.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 198.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 168.

⁶ Там же, стр. 169.

Вслед за небольшой по объему статьей 1427 г., вновь видим уже тот же нравоучительно-легендарный элемент в повествовании 1428 г. В статье этой передается баснословный рассказ о колоссальной пушке Галке, которую Витовт подвез к Порхову. Она была так велика, что ее с трудом везли 40 коней до полудня и 40 коней после полудня. Пушкарь — мастер Николай — „похвалился“ Витовту: „не токмо, княже, сею пушкою пиргос [башню, стрельницу] разбью, но и церковь, яже Николу в граде, раздражу“;¹ между тем и стрельница и церковь, которые похвалялся разбить Николай, были каменные. Первый выстрел из Галки действительно до основания свес стрельницу, разбил переднюю стену церкви Николы и заднюю в алтаре, но не убил и не устрашил даже священника, служившего литургию: ядро вернулось назад, сорвало по пути зубцы со стены, убило полотского воеводу, избило много людей и коней, самого же пушечника-немчину Николая, „похвалшагося на святого Николу“, разорвало и разметало „невидимо где“.² Ни тела его, ни костей нельзя было найти.

Нравоучительный и чудесный характер придан поражению русских от татар в 1438 г.;³ чудесный элемент присутствует в описании смерти Дмитрия Красного под 1441 г. и в других статьях 1425—1463 гг. „свода 1472 г.“ Назидательный характер летописных рассказов сочетается с введением явно вымышленных речей действующих лиц.⁴ Постепенно, но все заметнее и заметнее исчезает интерес к летописной записи как к документу. В летописи усиливается повествовательность, появляется вымысел, назидательные тирады. Летопись сближается с Хронографом.

¹ Там же.

² Там же.

³ Симеоновск. лет., стр. 189.

⁴ Так, например, под 1456 г. в Симеоновской летописи (стр. 210) введены явно вымышленные речи москвичей, произнесенные ими по случаю приближения пятидесяти тысяч новгородцев.

4

Стремление к полной литературной переработке предшествовавшего летописного текста с годами все усиливается. Летописные записи предшествующих веков все чаще и чаще переделываются, они уже не сохраняются, их документальное значение постепенно перестает осознаваться. Вот почему так трудно выяснять состав поздних летописей. К таким летописям, которые включали в свой состав предшествующие летописные своды в сильно переработанном виде, принадлежит и знаменитая Никоновская летопись — официальная летопись Русского государства, составленная в середине XVI в.¹

Переработка предшествующего летописного текста совершается в летописных сводах XVI в. главным образом путем так называемого „риторического распространения“. Это „риторическое распространение“ обычно в литературе XVI в., но термин этот неточно передает сущность этого чрезвычайно важного литературного явления, свидетельствующего о новых требованиях, предъявляемых к литературному произведению. Создание пространных редакций первоначально кратких литературных произведений преследовало не столько задачу риторического украшения стиля, сколько придание повествованию внутренней логики: мотивировок поступков, психологических объяснений.

В самом деле, летописные записи XI—XV вв. не знают внутреннего, имманентного развития действия. События описываются в летописи XI—XV вв. чисто внешне; лишь наружное проявление человеческой психологии отмечается в летописи. Летописец XI—XV вв. спешит, он переходит от факта к факту и не останавливает своего внимания на побуждениях человеческих поступков.

Эта старая манера летописного рассказа уже не удовлетворяет. Не только новые летописные статьи пишутся согласно

¹ См. датировку древнейших списков у С. П. Розанова: „Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей“, Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1930, т. III, кн. 1.

новым литературным требованиям, но систематической переработке подвергаются и прежние.

Работа редакторов над отдельными списками Никоновской летописи поможет нам уяснить это явление. Удобный материал представляет Толстовский VII (Голицынский) список Никоновской летописи, представляющий собою позднейший¹ обработанный и „украшенный“ летописный текст.

Все наименования даются в Толстовском списке в полном, „официальном“ виде. Привычные для предшествующего летописания лапидарные названия людей, церковных праздников, постов, святых и т. д. заменены в Толстовском полными обозначениями. Так, вместо слов „На Петров день“ в Толстовском читается: „в праздник же святых верховных апостол Петра и Павла“.² К наименованиям добавляются характеристики и эпитеты. Так, вместо слов „на Москве“ в Толстовском читается: „в богоспасаемом же граде Москве“,³ вместо „а новгородские посадници все и тысяцкие“ в Толстовском читается: „а окзянии изменници новгородские посадници и тысяцские“⁴ и т. д.

Составитель редакции Толстовского списка заботится о последовательности развития действия, о введении промежуточных подразумеваемых моментов, о картинности повествования. Так, например, под 1471 г. в Толстовском списке распространена „программа“ молитвословий, произнесенных

¹ Это можно видеть хотя бы на основании некоторых изменений, явившихся результатом непонимания составителем Толстовского VII (Голицынского) списка текста, правильно понятого в других списках Никоновской летописи: Академ. XIV, Оболенск., Академ. XVI, Архивск. II, Публичн. (Строг.) и Троицк. Так, в летописной статье 1471 г. читается имя новгородского посадника „Феодора Табазина“; в списке Толст. VII (Гол.) это имя прочтено неправильно: „Феодота Базина“. Полн. собр. русск. лет., т. XII, СПб., 1901, стр. 138).

² Никоновская летопись, (Полн. собр. русск. лет., т. XII, СПб., 1901, стр. 132.

³ Там же, стр. 132.

⁴ Там же, стр. 135

якобы Иваном III перед отправлением в поход на Новгород.¹ При возвращении Ивана III из похода с победою, вместо сухих слов основного текста Никоновской летописи „и бысть радость“, — Толстовский список дает картинное описание радости Ивана III и его благодарственных молитв Богоматери.

„Истовость“, обстоятельность этих распространений лежит в связи со стремлением описывать события как можно подробнее. Составитель их не сомневался, что все события произошли именно так, как они должны были бы произойти с точки зрения христианского мировоззрения. Так, например, если князь-полководец благочестив, автор распространяемой редакции не сомневается в том, что перед битвой он помолился богу, а после победы воздал благодарственную молитву богу. Автор не сомневается в том, что победившей стороне помогал сам бог, что ее победа объясняется ее смирением и т. д. Наоборот, враги благочестивого князя двигаются с неисчислимым войском, „пыхая духом гордости“, рассчитывая „поглотить“ войско благочестивого князя, „яряся“ и „хваляся“ своею силою. Отсюда многочисленные „штампы“, общие места этих распространений, известные и раньше или восходящие во многих случаях все к тому же Хронографу, — казавшемуся образцом литературной умелости.

Чрезвычайно важное место во всех этих распространениях занимает психология действующих лиц. Постоянные ссылки на переживания героев повествования увеличивают экспрессивность действия. Так, например, в основной редакции Никоновской летописи сказано, что новгородские воеводы, сидевшие в городке Демоне, „добили челом“, в Толстовском же списке добавлено: „с великим молением и покланянием“.² В основной редакции сказано, что „Князь же великий их деля“³ (для) пожаловал“, а в толстовской прибавлено „умилосердися“.

¹ Там же, стр. 131.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 139.

Раскрытие субъективного мира действующих лиц в значительной мере дается через их речи и молитвы, в которых они выражают свои намерения и побудительные причины своих поступков. Вот почему, стремясь объяснить исторические события через психологию властителей, исторические повествователи XVI—XVII вв. так часто вставляют в уста своих действующих лиц пространные речи. Эти речи раскрывают „внутреннюю“ сторону событий, которой усиленно начинает интересоваться отныне историческая мысль.